

Алые ярусы пагоды уходили в самое небо. Время не щадило искусную резьбу на стенах: дерево рассохлось и потемнело, приняв глубокий бурый оттенок. Свинцовые, набрякшие влагой тучи нависали так низко, словно вот-вот раздавят крышу, и в их тяжелом мареве то и дело проступали смутные, пугающие очертания лика Змеиной Матери.

Под навесом крыши в отдалении замерли два силуэта — белый и алый. Мэй Ханьцзюэ сосредоточенно изучал древнее изваяние, пока Цзянь Сюэхэ, держа руки на рукояти покоящегося за спиной меча, стоял вполборота к нему. В какой-то миг мечник уловил шорох и резко повернул голову, окинув прибывших пронзительным взглядом прищуренных глаз.

— Хэ, похоже, сегодняшнюю ночь нам придется провести здесь, — раздался ровный голос Мэй Ханьцзюэ.

Минну встретился взглядом с Сюэхэ, и в то же мгновение их заметил Мэй Ханьцзюэ. Увидев стоявших под карнизом, Ли Сяохо мигом растерял весь свой недавний пыл. Одарив их мрачным, тяжелым взглядом, он угрюмо промолчал.

— Какое совпадение, — улыбнулся Мэй Ханьцзюэ. — Похоже, братец Минну, мы бродили совсем неподалеку друг от друга.

Минну лишь молча сжал губы. Из-за плеча Мэй Ханьцзюэ он разглядел древний барельеф, высеченный прямо в каменной стене — ту самую Черночешуйчатую Змеиную Матерь. Годы не пощадили святыню: камень осыпался, покрылся глубокими трещинами. Полуженщина-полузмея с вертикальными змеиными зрачками застыла в жутковатой, едва заметной улыбке. Мокрый от косых струй дождя камень блестел, создавая иллюзию, будто древнее чудовище живым взглядом сверлит их сквозь толщу стены.

— Мы только что выбрались из чащи, — отозвался Минну, стараясь не смотреть на Мэй Ханьцзюэ. Все его внимание было приковано к Цзянь Сюэхэ.

— Брат Хэ, — тихо позвал он.

Они вчетвером вошли внутрь пагоды. Едва переступив порог, юноши ощутили, как их окутал промозглый, могильный холод. Внутри барабанной башни царил крошечный мрак, в котором смутно угадывались осыпающиеся багровые стены и поблекшие от сырости старинные фрески.

Минну держался посередине: впереди бесшумно ступал Сюэхэ, позади сопел Ли Сяохо. В темноте Минну едва не споткнулся о полусгнившее багровое ограждение, когда-то отделявшее алтарь от простых прихожан.

Вдруг впереди робко затеплился слабый огонек — это Сюэхэ зажег огниво. Тусклый свет выхватил закрепленные на стенах факелы. Судя по несгоревшему дереву и свежим потекам дегтя, оставили их здесь не так давно — вероятно, случайные путники из местных.

Отыскав в углу охапку сухой соломы, Сюэхэ запалил ее, и вскоре в центре зала весело затрещал костер. Пламя окрепло, прогоняя ледяную сырость и выхватывая из темноты щербатый камень противоположной стены.

— В такую бурю лес затягивает ядовитой моросью, да и само это место дышит застарелой злобой, — заметил Мэй Ханьцзюэ, вглядываясь в чернеющее за оконным проемом небо. — Идти дальше опасно. Переждем ночь здесь, а на рассвете тронемся в путь.

Будучи отпрыском знатного рода, Мэй Ханьцзюэ привык к роскоши и повсюду возил за собой свиту из услужливых слуг. Однако сейчас, оставшись без привычного ухода, он на удивление легко сносил тяготы походной жизни.

Минну устроился у стены бок о бок с Ли Сяохо — на приличном расстоянии от огня, чтобы не пекло лицо, но и не донимал сквозняк. Время от времени он подкладывал в костер сухие ветки, заставляя пламя вспыхивать с новой силой.

Сидевший напротив Мэй Ханьцзюэ молча наблюдал за ними. В колеблющихся отсветах пламени ресницы Минну отбрасывали на его бледные щеки густые тени. Юноша заворуженно смотрел, как с тихим треском взмывают к высокому потолку шальные искры.

— Минну, почему ты не заходил к нам в эти дни? — внезапно спросил Мэй Ханьцзюэ.

Минну невольно покосился на Сюэхэ, но тот лишь безучастно разглядывал древние фрески на стенах.

— Недосуг было, — уклончиво пробормотал Минну. — Много дел навалилось, вот и не выбрался.

Краем глаза он продолжал приглядывать за Ли Сяохо. Стоило им укрыться от уличной сырости и ядовитых испарений, как висевшая на поясе спутника жутковатая маска младенца-призрака вернула свой прежний облик — истончилась, превратившись в едва заметную фарфоровую скорлупку, и теперь мирно покоилась в полумраке.

Снаружи занудно шумел непрекращающийся дождь. Внутри барабанной башни повисло молчание — говорить больше ни у кого не было желания. По счастью, весна уже успела вступить в свои права, да и Минну проявил предусмотрительность, облачившись перед выходом в теплые зимние одежды. Холод ядовитого леса был ему нипочем.

«Не хватало еще снова залезть к кому-нибудь под бок, спасаясь от стужи...» — при этой мысли Минну невольно вспомнил тот странный случай.

Тогда, засыпая, он краем глаза заметил рядом яркое алое пятно. Сюэхэ питал слабость к багряным одеждам, его приметное одеяние всегда легко угадывалось даже в кромешной тьме...

Но в тот раз, помимо Сюэхэ, в комнате определенно находился кто-то еще. Тоже в красном.

Внезапная догадка заставила Минну вздрогнуть. Сонливость мгновенно улетучилась, по спине пробежал ледяной озноб, а ладони вмиг стали влажными и холодными.

Стоило ему распахнуть глаза — видение исчезло. Но память услужливо сохранила отчетливый образ, запечатлевшийся перед самым пробуждением. Там, прямо напротив него, по правую руку от погруженного в дрему Сюэхэ, высился жуткий силуэт.

Тяжелое парчовое платье невесты... кроваво-красное свадебное покрывало, из-под которого проглядывали застывшие, закатившиеся мертвецкие белки. Синюшное лицо покойницы и скрюченные пальцы с длинными угольно-черными когтями.

Этот немигающий жуткий взгляд был устремлен прямо на него. Горло Минну сжал спазм, он отчаянно пытался закричать, позвать на помощь, но неведомая удавка намертво перекрыла дыхание.

А в ушах зазвенел тонкий, пронзительный женский хохот — словно сухая ветка со скрежетом царапала натянутую кожу барабана.

Место рядом с Ли Сяохо вдруг опустело — Минну растворился в воздухе. Ли Сяохо лениво приоткрыл один глаз и покосился в сторону Сюэхэ. Суровый «Маленький Янь-ван» уже бодрствовал. Заметив пропажу Минну, мечник даже бровью не повел — лишь коротко сверкнул глазами и в то же мгновение бесследно исчез. Ли Сяохо не стал утруждать себя расспросами и поисками. Равнодушно зевнув, он поудобнее устроил голову на плече и провалился обратно в сон.

Минну судорожно вздохнул — невидимая петля наконец разжалась. Оглядевшись, он с содроганием понял, что по-прежнему находится в барабанной башне, вот только вокруг все утопало во влажной, непроглядной мгле. Его затянуло внутрь настенной живописи. Накануне он лишь мельком скользнул взглядом по росписи, отметив про себя нагромождение неясных темных силуэтов — буро-красных и зловеще-синюшных.

Теперь же тайна этих теней открылась ему во всем своем леденящем душу величии.

Прямо перед его лицом покачивались десятки посиневших, окоченевших женских ступней. Все эти несчастные были облачены в расшитые свадебные наряды, а их тела, уродливо изломанные, безвольно свисали с потолочных балок. Плотная шелковая ткань алых покрывал не могла скрыть жутких лиц: перекошенные челюсти, вывалившиеся языки, остекленевшие глаза... В воздухе висел удушливый, липкий смрад разложения, от которого перехватывало дыхание, а по коже струился могильный холод.

Минну попытался дернуться, но обнаружил, что туго опутан толстой пеньковой веревкой. Сквозь зыбкое марево потустороннего пространства он смутно видел реальный зал башни, где

у затухающего костра безмятежно похрапывал Ли Сяохо.

— Ли Сяохо... — едва слышно прошептал Минну.

Растерзанную шею нещадно пекло, грудь сдавило спазмом, и он глухо, надрывно закашлялся. Над головой покачивался страшный лес из мертвецов, а собственное сердце колотилось так бешено, словно готово было пробить ребра. Тяжелый, удушливый страх каменной плитой лег на грудь, не давая сделать ни единого полноценного вдоха.

Лоб Минну покрылся испариной. Разум отказывался понимать, откуда здесь взялось столько мертвых невест. Он затравленно огляделся, и в этот момент ему показалось, будто одна из висевших спиной к нему покойниц медленно, с влажным хрустом повернула шею в его сторону.

Внезапно все звуки смолкли. В воцарившемся безмолвии Минну слышал лишь частый, оглушительный стук собственного сердца. Пытаясь совладать с паникой, он заставил себя снова взглянуть на то место... но покойница в алом свадебном наряде уже исчезла с петли. Она бесшумно выросла прямо перед его лицом.

Смертоносный лик завис в паре вершков от него: затянутые мутной пленкой белки глаз, прорезанные багровой сеткой лопнувших сосудов, серая, в трупных пятнах кожа и жуткая гримаса оскаленного рта.

Минну онемел от ужаса. Кровь отхлынула от его лица, в глазах потемнело — он едва не лишился чувств.

Вдруг мрак разорвала ослепительная вспышка.

Белоснежный росчерк меча прочертил воздух с тихим, певучим свистом. Прежде чем Минну успел сообразить, что произошло, покойница испустила истошный, утробный вопль и рассыпалась облаком жирного черного дыма.

Сквозь редеющую гарь проступили очертания человеческой фигуры. Минну вновь похолодел, разглядев алый шелк одежд, но страх мгновенно сменился облегчением, стоило ему узнать лицо нежданного спасителя.

Посреди жуткого леса из мертвецов стоял Сюэхэ. В руке он сжимал обнаженный клинок, а его холодный взгляд скользил по качающимся телам. Одним стремительным, выверенным движением мечник описал широкую дугу: лезвие взрезало воздух, и остатки призрачных невест беззвучно растаяли, обратившись в клочья серого тумана. Иллюзия рассеялась, обнажив глухие, пожелтевшие от времени стены нарисованной башни.

— Брат Хэ?.. — выдохнул Минну, чувствуя, как бешено колотившееся сердце наконец возвращается в привычный ритм.

Утирая выступивший на лбу холодный пот, он облегченно обмяк. Сюэхэ бесшумно приблизился и точным, коротким взмахом перерубил стягивавшие юношу путы. Минну хотел было спросить, как мечник ухитрился отыскать его в этой потусторонней ловушке, но вовремя прикусил язык: и дураку ясно, что Сюэхэ кинулся следом, едва почуял след нечисти.

— Кажется, нас затянуло прямо в настенную роспись. Брат Хэ, будь осторожнее, — предупредил Минну.

Его колени все еще предательски дрожали. Инстинктивно ища опору, он судорожно уцепился за широкий рукав алого халата Сюэхэ. Лицо его по-прежнему оставалось бледным, как полотно.

— Брат Хэ...

Минну позвал его раз, другой, пока мечник, наконец потеряв терпение от этой нерешительности, не протянул руку. Минну поспешно ухватился за его ладонь, ощутив мимолетное прикосновение прохладных пальцев, и с помощью Сюэхэ поднялся на ноги.

Но стоило им выпрямиться, как из наползающей со всех сторон мглы вновь соткался зловеющий силуэт. Краем глаза Минну успел заметить багровый шелк и тянущиеся к ним скрюченные ладони с угольно-черными когтями.

Сюэхэ среагировал мгновенно: мощная волна ледяной энергии меча со свистом рассекла воздух, развоплощая тварь еще на полете. Ключья черного тумана растаяли в пустоте, но из углов нарисованной башни вновь донесся хриплый, надрывный хохот покойницы. Звук напоминал скрежет железа по дырявой медной тарелке — резкий, пронзительный, до боли бьющий по перепонкам.

— Хэ-хэ-хэ...

Минну понимал, что толку от него сейчас мало: его миниатюрный меч годился разве что на то, чтобы перерезать путы. Эта проклятая картина была личными владениями нечисти, и стоило Сюэхэ переступить ее невидимую черту, как они оба оказались в капкане.

Иллюзия закрутилась с новой силой. Сколько бы Сюэхэ ни разил мечом, его смертоносные удары лишь безвредно рассекали пустоту, не причиняя призраку вреда. В следующее мгновение воздух вокруг них уплотнился, невидимые путы обвили запястья и лодыжки, и оба юноши оказались подвешены вниз головой к потолочной балке.

С глухим звоном Снежный меч Сюэхэ и верная безделушка Минну выскользнули из рук и рухнули на грязные доски пола. Прямо перед подвешенными пленниками вновь соткалась фигура в алом подвенечном наряде. Сквозь плотную ткань фаты тварь безмолвно уставилась на свои жертвы.

Висеть вниз головой было тем еще испытанием. Минну отчаянно пытался удержать равновесие, раскачиваясь из стороны в сторону, как маятник. В панике он покосился на напарника: лицо Сюэхэ, даже в таком нелепом положении, оставалось бесстрастным и холодным, словно высеченным из нетающего льда. Эта непоколебимая уверенность помогла Минну взять себя в руки.

Нечисть задержалась перед ними лишь на краткий миг и бесшумно растворилась в полумраке.

— Брат Хэ, что нам теперь делать? — спросил Минну.

Кровь уже прилила к голове, в глазах плясали темные круги. Пытаясь совладать с подступающей тошнотой, он неловко дернулся и закачался на веревке, едва не задев Сюэхэ плечом.

— Это тварь третьего ранга, — ровно отозвался Сюэхэ.

Даже в таком положении он ухитрился висеть прямо и неподвижно, словно каменное изваяние, ни на вершок не отклоняясь от оси.

— Сначала нужно вырваться из пространства картины.

Сюэхэ скосил взгляд на спутника. Тот раскачивался на своей веревке из стороны в сторону, словно безумный маятник. Лишенный духовных сил Минну никак не мог совладать с телом, и его хаотичные движения лишь усугубляли положение.

Минну честно пытался замереть, но веревка предательски закрутилась, увлекая его прямо на напарника. Понимая, что столкновения не избежать, он испуганно зажмурился, вжал голову в плечи и со всего маху ткнулся лицом прямо в грудь Сюэхэ.

Уткнувшись носом в чужую грудь, пахнущую чистым зимним снегом и едва уловимым ароматом благовоний, Минну замер. Повисла неловкая тишина. Чувствуя, как уши заливают жаркая краска, он осторожно приоткрыл глаза и натолкнулся на бесстрастный взгляд раскосых глаз Сюэхэ.

Связанный по рукам и ногам, Минну напоминал спеленатый праздничный пирог-цзунцзы. Густо покраснев, он пробормотал:

— Извини, брат Хэ... Я не нарочно.

— И как нам теперь освободиться? — со вздохом спросил он, пытаясь отстраниться, насколько позволяли путы. — Вдруг Мэй Ханьцзюэ и Ли Сяохо хватятся нас?

Сквозь зыбкую пелену потустороннего марева они все еще могли различить очертания реального зала. Оставшиеся снаружи спутники мирно спали у костра. Если Мэй Ханьцзюэ и почуял неладное, то наверняка не стал вмешиваться, привыкнув во всем полагаться на выдающиеся способности Сюэхэ. Что же до непредсказуемого Ли Сяохо — угадать ход мыслей этого чудака и вовсе не представлялось возможным.

— Жить хотим — придется торопиться, — отрезал Сюэхэ. — У меня за пазухой припрятан Клинок Вышитой Весны.

Минну проследил за его взглядом. Мечник опустил глаза, безмолвно указывая на глубокую складку у ворота своего алого халата.

Поскольку руки у обоих были намертво связаны, дотянуться до оружия обычным способом они не могли. Минну присмотрелся и действительно заметил в глубине складок шелка тусклый стальной отблеск. За каким лешим Сюэхэ вздумалось прятать кинжал в таком месте — оставалось только догадываться.

— Брат Хэ... Ты хочешь, чтобы я его достал? — нерешительно уточнил Минну.

Сюэхэ коротко и сухо подтвердил:

— Да.

Минну озадаченно моргнул. Он вопросительно уставился на напарника, но когда Сюэхэ красноречиво скользнул взглядом по его губам, до юноши мгновенно дошел весь ужас их положения.

Перспектива лезть зубами в чужую пазуху его совсем не прельщала, но на кону стояли их жизни.

— Брат Хэ, — жалобно протянул Минну, — а других вариантов совсем нет? Вдруг я себе губы порежу?

Вышитые на алом шелке золотые нарциссы таинственно мерцали в полумраке нарисованной башни. Лицо Сюэхэ оставалось безукоризненно спокойным.

— Тебе не придется касаться лезвия губами, — ровно произнес он.

Мечник чуть повел плечом, заставив ворот халата слегка разойтись. Складки ткани сместились, открывая взору Минну плоскую костяную рукоять клинка. Острая сталь была надежно спрятана в ножнах, наружу выдавался лишь удобный упор.

<http://bllate.org/book/20439/2149242>